

Катарина Уль

Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели»¹

Как показала недавно опубликованная работа Джулианы Фюрст о послевоенной советской молодежи, на послевоенную эпоху оказало влияние в высшей степени консервативное и ограниченное представление о молодом поколении и его роли в истории. Согласно этой точке зрения, данное поколение родилось слишком поздно, чтобы, подобно своим родителям, участвовать в революционных подвигах, равным образом это поколение оказалось слишком молодым, чтобы, как старшие братья, сражаться в Великой Отечественной войне. Поэтому естественной задачей этого поколения казалось сохранение достигнутого предшественниками во время революции, Гражданской войны, первых пятилеток, а также охранительная функция по отношению к победе во Второй мировой войне.

Официальная риторика позднего сталинизма неустанно выдвигала на первый план эту роль [Fürst 2010: 16–20]. Данная консервативная миссия со всей определенностью была не столь привлекательна, чтобы успешно интегрировать послевоенное поколение в советское общество. Только во время подготовки новой партийной программы, начавшейся в 1948 г., эта консерва-

Катарина Барбара Уль
(Katharina Uhl)

Оксфордский Университет,
Великобритания
katharina.uhl@sant.ox.ac.uk

¹ Работа над статьей поддержана Германской службой академических обменов DAAD.

тивная ориентация медленно начала трансформироваться. Теперь снова оказалась подхваченной идея строительства коммунизма в ближайшем будущем, которая была забыта с момента начала войны. Для построения коммунистического общества в течение следующих двадцати или тридцати лет необходимой стала активная поддержка молодого поколения [Фокин 2007: 28–29; Gestwa 2010: 41–43].

Данная перспектива гораздо лучше подходила для того, чтобы предложить молодому поколению более привлекательную роль в советской системе, поскольку она говорила об ее активном участии в творческом процессе строительства коммунизма. Эти два темпоральных измерения, т.е. упоминание «героического прошлого» и перспектива «светлого будущего», стали значимыми главным образом в постсталинскую эпоху. Молодежь была вписана в марксистско-ленинскую интерпретацию хода истории, где она обрела свою особую роль для настоящего.

Следующие ниже заметки основаны на магистральной идее Катерины Кларк о том, что соцреалистический роман подчеркивает место настоящего как связи двух «больших времен» — революционного прошлого и коммунистического будущего. Настоящее обретает свою значимость только тогда, когда оказывается соотнесенным с тем или иным «большим временем», отсылая, таким образом, к героическому прошлому или предвосхищая светлое будущее [Clark 2000]. Исходя из подобного понимания значения молодежи в очерченном треугольнике темпоральных измерений, первый секретарь ЦК комсомола Семичастный так описал в 1959 г. роль комсомольских организаций: «Наша пропагандистская работа только тогда выполнит свои задачи, когда в ней будет проведен принцип единства воспитания на революционных традициях прошлого, героики настоящего и коммунистических идеалах будущего» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 73].

Статья посвящена тому месту, которое приписывалось молодежи в рамках определенной хронологической системы координат. В своей работе я попытаюсь продемонстрировать, как официальный дискурс решал эту задачу, как революционные традиции связывались с программой коммунистического будущего, как обе эти вещи соединялись в определенный нарратив, который был призван мотивировать оттепельное поколение беззаветно посвятить себя напряженному строительству коммунизма.

Ключевые концепты, теории и источники

Согласно общераспространенной в нашем модернизированном мире точке зрения, молодежь ассоциируется главным об-

разом с динамичным движением вперед, с определенными поисками самоутверждения, любовью к приключениям, особым сопротивлением родительскому авторитету, а также со стремлением к переменам [Fürst 2010: 7–9]. В целом молодость рассматривается как «особый период ресоциализации и отсутствия континуальности, когда прошлые и будущие идентификации и роли жестко противопоставлены, а часто и несоместимы друг с другом» [Abrams 1970: 186]. Это открывает большое поле возможностей для того, чтобы бросить вызов и деинституционализировать существующие правила, ценности и социальные практики, которые являются преобладающими в мире взрослых.

На протяжении XX в. молодость служила «метафорой для зримых социальных перемен» [Austin, Willard 1998: 1] в западном и советском дискурсах и была тесно связана с определенным оптимизмом, касавшимся будущего, а также с моральной паникой. Молодость давала «устойчивые метафоры для взрослых программ действий, желаний или тревог» [Austin, Willard 1998: 2]. В этом отношении молодость необходимо рассматривать скорее как социальный и культурный конструкт взрослых ожиданий и страхов, чем как некое заданное единство [Kuhg-Korloev 2005: 7–9]. В советском случае, который релевантен для настоящей статьи, молодое поколение стало ключевым концептом после революции, поскольку именно среди молодежи «должны были появиться новые мужчины и женщины». Таким образом, молодое поколение «обладало ключом к светлому будущему» [Fürst 2010: 9]. Телеологическое представление о молодежи оставалось актуальным и в поздние годы Советского Союза, пережив новый расцвет в эпоху, последовавшую за смертью Сталина в 1950-е и в начале 1960-х гг. Молодость оставалась символом оптимизма и воплощала утопическую программу будущего [Pilkington 1998; Zubok 2009: 121–122].

Когда смотришь на молодость как на период перемен и нестабильности, который тесно связан с оптимистическим взглядом на утопическую программу будущего, почти естественной кажется связь между молодым поколением и годами, когда у власти находился Никита Хрущев, так называемым периодом «оттепели». Термин «оттепель», отсылающий к названию повести Ильи Эренбурга, намекает на динамический характер эпохи, когда мир пришел в движение. Истоком этого традиционного взгляда на эпоху являются многообразные реформы, которые были проведены в конце 1950-х и в начале 1960-х гг. и которые придали данному периоду либеральный оттенок, по крайней мере по сравнению с предыдущими десятилетиями сталинизма, а также последовавшей за «оттепелью» брежневской ресталинизацией, так называемой «эпохой застоя».

Недавние исследования описывают хрущевские годы как период жесткого социального контроля и моральной инженерии [Fürst 2006a; Kharkhordin 1999: 279–303], но нет сомнений, что после смерти Сталина произошли большие перемены, касавшиеся политической, социальной и культурной сфер, а также молодежной политики и идеологии. Поэтому оттепельный период рассматривается как эпоха между отплытием к новым либеральным берегам и возвращением к сталинистским стратегиям и методам. Благодаря этому амбивалентному характеру он описывается как «стабильный кризис», когда Советский Союз «заморозил свою хрупкость» (“frozen its fragility”) [Gestwa 2010: 564].

Другой значительной чертой данной эпохи является реанимация утопического проекта построения коммунизма, а также, по-видимому, безграничного оптимизма, касавшегося ближайшего будущего советской молодежи, которая, согласно партийной программе 1961 г., будет «жить при коммунизме». Мобилизующая сила, которую ожидали от этого идеологического импульса, была нацелена главным образом на молодежь и открывала широкое поле для кампаний и проектов, призванных вписать молодых людей в зримую конструкцию нового коммунистического общества. Так, конкретные манифестации коммунистического мира приветствовали молодежь на полях целины, стройплощадках новых гидроэлектростанций (например, в Братске и Куйбышеве), огромных металлургических заводах Урала, а также в Сибири и на Дальнем Востоке, куда молодых людей звали сражаться с природой и участвовать в том или ином проекте, который должен был символизировать строительство коммунизма [Gestwa 2010; Pohl 2004; 2007].

Двойственность данного периода, а также спонтанность в осуществлении перемен и реформ замечательно соответствуют общему представлению о динамичной молодости; колоссальные мобилизационные проекты и продвигаемые властью утопические идеи были обращены главным образом к амбициям и ожиданиям молодого поколения. Поэтому период оттепели давал отличные шансы молодому поколению, стремившемуся самоутвердиться и динамически включиться в утопические проекты эпохи.

Настоящая статья сфокусирована на риторических и официальных стратегиях, которые должны были интегрировать молодое поколение в эти продвигаемые государством проекты в период оттепели. Нами поставлен вопрос о роли, официально приписывавшейся молодежи в советской истории. Анализируется пропаганда, задача которой заключалась в том, чтобы донести представление об этой исторической роли до моло-

дых людей на всей территории Советского Союза. Иначе говоря, цель статьи — реконструкция официального дискурса о молодежи во время правления Хрущева, а также стратегий, благодаря которым государство пыталось воздействовать на молодое поколение.

Некоторые основные типы восприятия становятся зримыми, когда мы анализируем многообразные предложения, которые официальный дискурс делал молодому поколению. Под дискурсом я имею в виду прежде всего языковое высказывание, которое определяет и ограничивает то, что люди, принадлежащие к разным социальным группам, в определенном исторический период и в определенном географическом пространстве в состоянии сказать, подумать и сделать. Набор дискурсов структурирует способ восприятия социальной реальности и пределы действия конкретной социальной группы. Он также определяет то, что является «истинным» в определенной исторической ситуации, проводя четкую границу между высказываниями приемлемыми и выходящими за грани приемлемого [Sarazin 2003: 7–60; Landwehr 2001: 7–13, 70–83].

В основе советского дискурса о молодежи лежит идея моральной инженерии. Официальные дискурсивные стратегии, нашедшие свое выражение в молодежной газете «Комсомольская правда» и в риторике ведущих комсомольских активистов, были направлены на то, чтобы донести некие представления о прошлом и будущем, используя нравственные категории и лозунги. Моральная инженерия служила инструментом мобилизации и дисциплинирования. Господство над молодежью через нравственные категории вышло на первый план в эпоху «оттепели» и оказалось доминирующим по сравнению со стратегией социальной инженерии, превалировавшей в сталинский период [Gooding 2002: 156–166; Field 1998].

Для того чтобы выявить дискурсы, актуальные для этого «оттепелого» поколения, я обращаюсь к документам ЦК комсомола, а также к его печатному органу, молодежной газете «Комсомольская правда». Эта газета была не просто одной из советских газет с огромным тиражом, доступной на всей территории Советского Союза. Ее также можно рассматривать в качестве флага «оттепели», представителя духа эпохи — подобно тому, как «Правда» отражала дух сталинизма. В 1950-е гг. творцы советского общественного мнения должны были реагировать на «появление нового читателя» [Lovell 2000: 45], требовавшего критического подхода к реальным проблемам и живого стиля. Зять Хрущева, Алексей Аджубей, изменил дизайн и содержание газеты и таким образом сделал ее привлекательной для молодых читателей. Стилистика, сочетавшая

некогда нагромождение фактов и цифр, а также делавшая упор на «умные» словечки и пустые фразы, была заменена живыми репортажами и рассказами о личном опыте [Аджубей 1989: 90–112]. Это верно не только относительно «Комсомольской правды», но и советского медийного ландшафта в целом.

Таким образом, пресса вообще обрела новый социально-политический вес, функционируя как основной посредник в деле формирования мировоззрения читателей, мобилизации и дисциплинарной практики [Gestwa 2010: 338–341]. Региональные молодежные газеты использовали темы и идеи «Комсомольской правды» и адаптировали их к региональному контексту. Правда, они с трудом могли достигнуть уровня, который задавала «Комсомольская правда», и все же они стали заметно лучше и приблизились к требованиям читателей. Вкупе с документами ЦК комсомола, на которые опирались местные и региональные молодежные газеты, выбирая темы для новых статей, «Комсомольскую правду» можно рассматривать в качестве главного вдохновителя молодежной прессы в Советском Союзе. Документы ЦК комсомола обладали большим влиянием на молодежь, попадая в региональные и местные комсомольские организации; они служили источниками тем для обсуждения и резолюций, которые в свою очередь воздействовали на огромное число молодых людей во всех регионах Советского Союза.

Дискурс, который формировался и распространялся «Комсомольской правдой» и официальными документами, функционировал в качестве основного канала, определявшего мировоззрение молодежи, широкий спектр разнообразных влияний оформлял и изменял эту насаждавшуюся государством риторику. Официальный дискурс должен был реагировать на тенденции, которые не соответствовали официальной линии, но которые нельзя было игнорировать, поскольку они играли важную роль в мышлении и поведении молодых людей. Представители официального дискурса ощущали угрозу, которую представляли собой явления, исходившие главным образом с Запада — вроде рок-н-ролла, современных танцев и моды. Однако и явления внутреннего порядка, такие как религиозные верования, хулиганство, аполитичность и аморальное поведение, оказывались серьезной проблемой для творцов советской точки зрения.

Взрослых людей оттепельной эпохи нередко охватывали приступы паники, причиной которых был нравственный облик молодого поколения; они опасались за успех коммунистического проекта. Дискурс о молодежи эпохи «оттепели» приобрел коммуникативное измерение, реагируя на требования, по-

ступки и способы мышления молодежи; именно поэтому его нельзя считать монолитным или неизменным. Кроме того, это показывает, что молодое поколение в целом не было склонно принимать официальную точку зрения, не задавая вопросов и не оказывая сопротивления. Формирование дискурса о роли молодежи в советском государстве стало процессом переговоров и обмена; данный процесс отчетливо демонстрирует проблемные области и трещины внутри советской молодежной политики.

Другим ключевым концептом статьи является «поколение». Начиная с эпохи Просвещения этот концепт использовался в качестве аналитической категории для того, чтобы идентифицировать определенный период времени и соотнести его с определенными переменами в обществе. Используя данный термин в исторических исследованиях, ученый должен различать «поколения как публично декларируемые идентичности, как социальные конструкты и поколения как антропологически верифицируемые сообщества опыта людей одного возраста» [Lovell 2007: 12–13; Jureit 2010].

Категория поколения применяется в целом ряде исследовательских областей и поэтому является предметом бесчисленного количества определений и методологических концептуализаций. Я оставляю в стороне психологический и педагогический подходы. Принятое в данной статье понимание поколения вдохновлено социологическими идеями, прежде всего статьей Карла Мангейма «О проблеме поколений». Поколение рассматривается Мангеймом как связность (*Zusammenhang*), возникающая благодаря общему культурному контексту, хронологической одновременности, а также сходным типам интерпретации современной для данного поколения исторической реальности [Mannheim 1964; Jureit 2010; Kraft, Weisshaupt 2009].

Я подчеркиваю, что использую данный термин только как аналитическую категорию, не обозначая исследуемое поколение, т.е. молодых людей в промежутке между 1953 и 1965 гг., так называемыми «шестидесятниками». Данный термин использовался некоторыми представителями этого поколения для самоэкспонирования своей возрастной группы как ориентированной на реформы, как прогрессивного поколения, подготовившего почву для либеральных реформ эпохи Горбачева в 1980-х¹.

Термин «поколение» используется осознанно, хотя часто можно также говорить о возрастной группе, поскольку данное

¹ Хорошим примером является: [Вайль, Генис 2001].

исследование стремится охватить целостный сегмент советского населения, чей возраст в данную эпоху колебался от 14 до 28 лет, что соответствовало возрасту членства в комсомольской организации. Однако поскольку эту колоссальную группу людей составляли представители того же самого культурного контекста и населяли они — благодаря тому, что советская пропаганда обладала широчайшими возможностями дойти до каждого человека — то же самое дискурсивное пространство, далее я буду говорить об этих молодых людях как о поколении «оттепельного» периода.

Первая точка отсчета: героическое прошлое

Если мы посмотрим на официальную пропаганду, комсомол, без сомнения, окажется в рамках советской системы наиболее важной институцией, способствовавшей распространению представлений о роли современной молодежи в описанном выше темпоральном треугольнике. В своей газете «Комсомольская правда», а также на своих конференциях и пленумах ЦК выстраивал дискурсивную систему координат для формирования представлений молодых людей о предыдущих советских поколениях.

«Комсомольская правда» публиковала бесчисленные статьи, в которых рассказывала молодым читателям о героическом прошлом. Главным образом четыре периода советской истории фигурировали в качестве особо значимых в повествованиях о былом героизме. Во-первых, дореволюционное прошлое, когда рабочие, как считалось, сражались вместе с профессиональными революционерами против царского гнета и вместе терпели лишения в борьбе за социалистическое будущее. Во-вторых, Октябрьская революция и Гражданская война фигурировали в качестве той вехи героического прошлого, когда были побеждены враги советской власти. В-третьих, эпоха первого пятилетнего плана и коллективизации может рассматриваться как важнейший момент героического прошлого, когда были созданы экономические и социальные структуры социалистического государства. И, наконец, героизм советского народа во время Великой Отечественной войны подавался как решающий момент прошлого, когда индивидуальные и коллективные подвиги обеспечили победу над нацистской Германией.

Стиль статей был многообразным (научные работы и живые репортажи, рассказы и эссе), что должно было захватить внимание самых разных молодых читателей.

В подаче прошлого использовались разнообразные типы нарративов для пропаганды представлений о героизме предше-

ственников «оттепельной» молодежи. Протагонисты, воплощавшие героическое прошлое, принадлежали к разным категориям советского героического пантеона. Одна из таких групп состояла из доселе неизвестных советских людей, которые благодаря своему выдающемуся героизму стали протагонистами героических нарративов о прошлом. Хорошим примером является молодая героиня Зоя Космодемьянская, убитая немцами в ноябре 1941 г. в Московской области за отказ выдать своих товарищей-партизан¹. Статья, опубликованная к двадцатой годовщине ее смерти [Так мир узнал о Зое 1961], а также текст, посвященный сходной истории, произошедшей на Северном Кавказе в 1942 г. [Дело Оберлэндера 1960], могут служить примерами того, как официальный дискурс представлял своих героев и выдвигал их на роль поведенческих образцов для молодого поколения.

Героиня второй истории, Нина Попцова, также не выдала товарищей-партизан и была замучена и убита подразделением под командой Теодора Оберлендера, позднее ставшего немецким федеральным министром по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны в правительстве Конрада Аденауэра. Такое стечение обстоятельств стало причиной публикации статьи в апреле 1960 г. Не только героические смерти девушек были очень похожи, но и способы повествования о двух героинях в газете были сходными, что позволяет нам прояснить функцию героизма в медийной подаче прошлого.

Обе девушки были молодыми, 18 и 20 лет соответственно; они были активными комсомолками, продолжавшими свою политическую деятельность после начала войны, вступив в партизанский отряд. Будучи в отряде, девушки добросовестно и храбро выполняли свои обязанности, хорошо зная о бесчеловечности и безжалостности врага. Врагами Зои были «фашисты» и «гитлеровцы» вообще, врагов Нины персонифицировал Теодор Оберлендер: «Этот фанатик убийств, белокурая бестия с круглым лицом и зловещим взглядом совы, слушая стоны умирающих, жадно вдыхая запах свежей человеческой крови, размышлял лишь о “расовом превосходстве арийцев”. Разве могли тронуть душу садиста страдания ребенка или горькие слезы матери?».

Таким образом, девушки представляли молодыми, сознательными коммунистками, готовыми на осознанную жертву ради победы над бесчеловечным врагом. Обе стали жертвами предательства и пыток, обе продемонстрировали идеальную стойкость, не выдав важных сведений. В статьях описывалось то,

¹ О Зое Космодемьянской см. также: [Fürst 2000; Sartori 1995].

насколько были истерзаны тела девушек под пытками. Например, в рассказе о последнем вечере Зои: «В одной рубашке, бося, при сильном морозе фашисты вели ее через всю деревню. В десять часов вечера ее привели в дом колхозника Кулика. Солдаты втокнули девушку в комнату. Тело ее сплошь было покрыто кровоподтеками, на лице, на губах запеклась кровь. Ноги были обморожены». Однако ни одна из девушек не побоялась ни боли, ни смерти: Зоя произнесла свою знаменитую речь, в которой призвала своих товарищей-крестьян продолжать сопротивление немцам, а Нина написала письмо матери, сообщив ей, что счастлива умереть за Родину. Таким образом, обе девушки оказались готовыми принести себя в жертву ради великого блага — победы над фашизмом.

Помимо готовности принести в жертву свои юные жизни ради чего-то гораздо более важного, атрибуты и черты героинь связывают эти нарративы с агиографическими представлениями о положительном герое соцреалистических романов сталинской эпохи. Когда смотришь на проявления героизма и рассказы о нем в «Комсомольской правде», поражает аналогия со способом представлять положительного героя сталинского времени. Протагонисты утрачивают индивидуальные черты и символизируют архетипы героев, переставая быть конкретными людьми. Они воплощают борьбу сознательного «я» с внешними препятствиями, которую должны копировать читатели. Описания характеров положительных героев являются настолько плоскими и архетипическими, что в действительности они напоминают биографии древнерусских святых или жизнь самого Христа — с добавлением некоторых специфически советских ценностей и устремлений [Clark 2000: 46–47, 57–66; Günther 1993: 179–180].

Хорошим примером является последний параграф статьи о Зое, где молодой героине приписаны типические атрибуты: «Мужественный образ юной комсомолки, бесстрашно боровшейся с фашистами и встретившей смерть с пламенными словами о Родине, стал священным и героическим примером беззаветного служения Отчизне, своему народу». Смерть героев и героинь символизирует обряд перехода, в рамках которого герой умирает, но его знамя подхватят массы. Героизм должен мотивировать читателей следовать примеру протагонистов и оставлять позитивные следы в мире настоящего [Clark 2000: 179; Günther 1993: 180]. Именно в этом смысле мать Нины истолковывает жертву своей дочери: «Дочь моя погибла за Родину, чтобы люди жили счастливо и свободно».

Такая манера подачи героя отсылает к традиции пангероизма, преобладавшего в соцреалистических произведениях 1930-х гг.

Согласно этому представлению, в определенные героические времена каждый член общества может и должен стать героем. Поэтому в один из периодов советского прошлого, который считался героическим, самые обычные советские люди выступали в роли вызывавших восхищение героев [Günther 1993: 179–180]. Именно это случилось с персонажами романа Фадеева «Молодая гвардия», который стал еще более известен и любим молодыми людьми после появления экранизации, сделанной вскоре после войны.

История юношей и девушек, сражавшихся за свою родину, вдохновляла молодых читателей и зрителей, а также подогревала их стремление к приключениям и героическим деяниям. Герои репрезентировали целый канон советских ценностей: партийность, бдительность, активность, оптимизм, ненависть и энтузиазм. Восприятие романа и фильма послевоенным поколением отчетливо демонстрирует, что изображение советских героев прошлых лет размывало границы между вымыслом и реальностью и до известной степени делало возможным их исчезновение. Актеры не только сливались с реальными людьми, но молодые люди перенимали лишь те черты характера своих героев, которые считали важными для себя, отдавая, таким образом, предпочтение энергичным и эмоциональным характерам по сравнению с сознательными и разумными персонажами [Fürst 2010: 139–156]. Таким образом, литературные персонажи составляли вторую группу советских героев, населявших героический пантеон советского прошлого и функционировавших как ролевые модели для молодежи.

Видимо, наиболее важной для поколения «оттепели» вымышленной фигурой являлся Павел Корчагин, главный герой романа Николая Островского «Как закалялась сталь». В данном случае сам автор постоянно сливается с литературным персонажем: оба страдали от тяжелых условий Гражданской войны и рисковали своим здоровьем, будучи преданными делу революции. Экранизация 1957 г., а также музей в Москве, посвященный жизни и деятельности Николая Островского, подчеркивают сходство автора и героя и показывают, что оба сознательно пошли на разрушение своих тел, которые, несмотря на молодость, становились руинами вследствие тяжелой революционной борьбы [Woll 2000: 35–37; Kaganovsky 2004].

«Комсомольская правда» посвятила множество статей жизни и жертвам сознательного комсомольца Павла Корчагина, выдвигая его в качестве образца для молодого поколения эпохи «оттепели». Например, в 1964 г. газета опубликовала еще одну историю: во время путешествия на поезде после болезни и несмотря на серьезность ситуации, связанной с его здоровьем,

молодой герой разоблачил спекулянта. Этот короткий рассказ иллюстрировал значимость постоянной бдительности, которой молодежь должна учиться у Павла Корчагина, подчеркивая героический характер поколения Гражданской войны. Текст опять-таки не различает автора и литературного персонажа, включая разговор жены Островского и его друзей, обсуждающих их собственное героическое прошлое [Николай Островский 1964].

Корчагин выступает как связующая нить между нынешним поколением и поколением революционной эпохи. Статья 1957 г. в «Комсомольской правде» посвящена молодому бригадиру ремонтной мастерской где-то на целине, который благодаря заботе и поддержке старого коммуниста стал «одним из самих молодых Героев Социалистического Труда». Этот старый коммунист боролся и страдал за свои революционные убеждения во время Гражданской войны — как и Корчагин — и фигурировал в статье в качестве образца для молодых рабочих своей мастерской. Тесная солидарность между этими двумя поколениями символически подчеркивается тем фактом, что молодой ударник труда дарит своему мастеру книгу Островского с посвящением «любимому наставнику и воспитателю молодых целинников» [Поколение Павла Корчагина 1957].

Если молодые люди стремились перенять воинствующее мировоззрение своих предшественников, решительно и сверх нормы трудиться для того, чтобы сохранить и приумножить достижения революции, этих молодых людей называли «корчагинцами», а их успехи прославляли как проявление революционного духа, который перешел от первого советского поколения к нынешнему.

Например, в 1959 г. репортаж «Комсомольской правды» описывал героический труд и культурный досуг молодежной бригады, носившей имя «Корчагин», и показывал решимость молодых рабочих следовать образцу, заданному Павлом Корчагиным, продолжая деяния его поколения [Корчагинцы 1959]. Другая статья фокусируется на комсомольском лидере, который, несмотря на глухоту, замечательно и решительно трудится на стройплощадке, а также мобилизует комсомольцев своего предприятия. Эти качества связывают современного рабочего-комсомольца с воплощением героизма революционного периода Павлом Корчагиным, именно поэтому заглавие статьи именуется образцового современного молодого человека «Корчагиным из Дивногорска» [Корчагин из Дивногорска 1963]. Помимо этого первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов выдвигал Корчагина в качестве поведенческого образца. В своей речи на третьем пленуме ЦК ВЛКСМ 9 июля 1963 г. Павлов

отмечал, что «корчагинцы наших дней» — это «люди, которые хотят большого настоящего дела, люди с корчагинской закованной — быть там, где труднее. Делать своими руками самые трудные дела» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Ф. 442. Л. 126–125].

Несмотря на то что образ Корчагина присутствовал везде, бесспорным супергероем периода «оттепели» был Ленин. Вне всякого сомнения, он был основным представителем третьей категории персонажей героического пантеона «оттепельной» эпохи — категории политических лидеров и протагонистов революционной борьбы. В бесчисленных статьях, которые печатались главным образом (хотя и не только) в связи с его днем рождения в апреле, празднованием дня революции в ноябре или в день его смерти в январе, Ленин прославлялся как дух революции и образец для современной молодежи. Он выступал в качестве персонификации лидерства, а также революционной стойкости, боевого духа и необходимой для большевика сознательности.

Молодых людей постоянно призывали следовать примеру Ленина в их повседневной деятельности и мышлении. Это подчеркивалось тональностью публикаций о Ленине, где упор делался на том, что он был не только властитель дум и бесстрашный вождь революции, но и чрезвычайно простой человек [Человек во всем 1960; «Вот это человек!» 1960], «воплощение самых лучших, самых высоких черт народа» [Таким был Ленин 1957]. Так, одна из статей отмечала «замечательные черты его характера: исключительную скромность, обаятельную простоту, сердечную чуткость» [«Вот это человек!» 1960]. Советская пресса подавала фигуру Ленина, с одной стороны, как модель героического поведения, а с другой — как охранителя морального облика советской молодежи.

Между тем в повествованиях о героическом прошлом немалую роль играли и другие политические лидеры. В качестве одного из примеров может служить статья 1962 г., в которой вдова Феликса Дзержинского воздает должное своему покойному мужу и рассказывает о его борьбе за победу революции [Непреклонный 1962].

Не только рассказы о героическом прошлом и его героях призывали молодое поколение продолжать революционную борьбу. Помимо публикаций в прессе, официальных высказываний и беллетристики существовал широкий спектр стратегий пропаганды героических деяний того или иного периода советского прошлого. Художественные и документальные фильмы о жизни и борьбе Ленина [Честность не в чести 1963], экранизации «Молодой гвардии» и «Как закалялась сталь», а также все возрастающее число фильмов о Второй мировой

войне добавляли визуальное измерение репрезентации героического прошлого.

Другими стратегиями пропаганды нарратива о героическом прошлом были публичные дискуссии о том или ином романе на так называемых «читательских конференциях», которые организовывали библиотеки, культурные институции и комсомольские организации. Комсомольские организации выступали в качестве важной площадки, где культивировались революционные традиции, подчеркивалась значимость героического прошлого для настоящего. Пропаганда героического прошлого довольно интенсивно обрабатывала комсомольцев: во время комсомольских собраний на всех административных уровнях раз за разом подчеркивалась его значимость для молодежной организации и ее членов

Для того чтобы активно культивировать революционные и трудовые традиции, а также вписать их в каждодневную работу комсомола и молодежи в целом, комсомольская и пионерская организации были обязаны проявлять заботу о мемориалах, посвященных героям той или иной героической эпохи. Комсомольским вожакам предлагали начинать и заканчивать собрания пением революционных песен для поддержания революционного духа прошлого. В 1963 г. тогдашний первый секретарь комсомола Павлов на пленуме ЦК высказался по этому поводу: «Почему бы на комсомольских собраниях не петь революционные песни, с которыми наши отцы вместе с Лениным шли на штурм старого мира, создавали социалистическое государство? До каких же пор мы будем петь “Интернационал” по бумажке!» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 43].

Особую роль призван был играть комсомольский значок, который должен был напоминать члену организации о Ленине и героическом прошлом комсомола в эпоху создания социалистического государства; в то же самое время значок символизировал ответственность за то, чтобы комсомолец был образцом примерного поведения и культурности в повседневной жизни. Павлов описал функцию значка следующим образом: «Какая огромная честь выпала нам, комсомольцам, носить значок с силуэтом великого вождя революции! <...> Каждый член ВЛКСМ должен с гордостью носить свой значок. Это будет обязывать его постоянно помнить об ответственности комсомола, показывать достойный пример» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 43].

Другим распространенным способом меморизации прошлого стало празднование дат, которые могли вдохнуть героизм предыдущих поколений в сознание современной молодежи. Кроме того, празднования должны были напоминать молодым

людям о том, что они сами ответственны за продолжение героических деяний. И снова Павлов напомнил своим товарищам-комсомольцам о необходимости иметь в виду подобные празднования: «День советской молодежи, день рождения комсомольской организации, праздники труда, дни памяти героев войны, эстафета комсомольских поколений, посвящение в рабочий класс, день совершеннолетия, комсомольские проводы в армию, торжественные шествия по случаю трудовых побед, присвоение лучшим комсомольско-молодежным коллективам имен героев комсомола — все это должно шире использоваться для подъема трудовой и политической активности комсомольцев и молодежи в каждой первичной организации» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 460. Л. 6–7].

Торжественная обстановка государственных и частных праздников также должна была поддерживать память о революционных традициях и роли прошлого в жизни каждого человека и общества в целом. Так, в ноябре 1963 г. «Комсомольская правда» опубликовала статью, посвященную свадьбе первой женщины-космонавта Валентины Терешковой с Андрияном Николаевым, включая поздравления Хрущева молодоженам [Земное счастье 1963]. В статье отмечается, что данная традиция практикуется среди современных героев, обеспечивая преемственность между революционным прошлым и настоящим. Валентина Терешкова оказалась в центре внимания в связи с еще одной традицией. В июле 1963 г. Центральный Комитет ВЛКСМ наградил ее значком «За активную работу в комсомоле» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 442. Л. 147–156], продемонстрировав продолжение героических подвигов предшественников современным молодым поколением.

Становится очевидным, что прошлое и напоминание о нем играли решающую роль в формировании нравственной позиции молодежи в эпоху «оттепели». Подача героизма предыдущих поколений служила моделью, с которой молодые люди должны были соотносить свои нравственные суждения и поведенческие модели. Моральная инженерия, составлявшая сердцевину официального дискурса о прошлом, функционировала как инструмент мобилизации и дисциплинирования нынешней молодежи: поведенческая модель, характерная для этого дискурса, была нацелена на воспроизведение ее молодыми людьми. Терминология и содержание дискурса отнюдь не были новыми. Напротив, они были тесно связаны со сталинским периодом, когда коммунистическая мораль пропагандировалась многочисленными кампаниями и когда нравственные категории обрели статус признанных маркеров включенности в систему и исключения из нее [Halfin 2003: 7–25].

Некоторые культурные практики более ранних периодов были реанимированы и адаптированы к новым обстоятельствам постсталинского Советского Союза. Во время «оттепели», однако, преобладание нравственных категорий становилось все более сильным, а моральная инженерия вскоре приобрела первенство по отношению к социальной инженерии. Это произошло благодаря тому, что менялся характеру эпохи, на который поначалу еще влиял страх репрессий. Только после секретного доклада Хрущева страх как инструмент власти постепенно был заменен перспективой коммунистического будущего и «моральной» терминологией как способами интегрировать советский народ в социалистическое государство.

Морализация определенных моделей поведения и социального контроля стала надежным способом контроля над молодым поколением [Kharkhordin 1999: 279–303]. Поэтому дискурс о героическом прошлом в период «оттепели» преследовал ту же самую цель, что и в эпоху Сталина, а именно — сформировать нравственную позицию его молодых адресатов и повлиять на их поведение. Чрезвычайная интенсивность, с которой он насаждался, была, однако, типичной для хрущевской эпохи, когда моральная инженерия должна была сменить до известной степени прямое воздействие на поведение людей через репрессии и насилие. Поэтому обращение к героическому прошлому функционировало как средство интегрировать молодое поколение в государство и воздействовать на молодых людей через постоянную апелляцию к нравственным аспектам, касалось ли это подачи прошлого или перспективы коммунистического будущего.

Нежелательное прошлое: дореволюционное прошлое и сталинизм

Обращение к героическому прошлому апеллировало лишь к одной его стороне. «Оттепельный» дискурс четко различал позитивные и негативные аспекты истории. В этом отношении следует в первую очередь упомянуть дореволюционное прошлое, наложившее, как считалось, свой отпечаток даже на тех людей, которые родились после 1917 г. «Оттепельная» пропаганда проводила четкую границу между хорошим героическим прошлым и скверным капиталистическим прошлым. Постоянно повторялось, что так называемые «пережитки прошлого» [Товарищ Комсомол 1969: 246] должны быть ликвидированы в мышлении и поведении советского народа. Дореволюционное прошлое подавалось как ненужный для нынешних молодых людей груз. Две статьи, опубликованные в «Комсомольской правде» в 1960 г., приводят примеры того вреда, который

эти пережитки прошлого могут принести нынешнему модернизированному советскому миру [Воевать с пережитками 1960; Традициям — дорогу, пережитками — бой! 1960]. Обе статьи направлены против браков по воле родителей и ограничения прав женщин в советских среднеазиатских республиках, в текстах содержится призыв бороться с «феодално-байскими пережитками» [Традициям — дорогу, пережитками — бой! 1960]. В то же время они четко различают полезные народные традиции и никчемные пережитки прошлого в социальных отношениях.

Другой сферой, ставшей предметом полномасштабной демонстрации избыточности нежелательного прошлого, стала религия и ее практики. Указывая на устарелый характер религиозных практик и верований, статья «Комсомольской правды» описывает средневековые методы охоты на ведьм в киевском монастыре и подчеркивает, что подобное поведение является абсолютно архаичным в эпоху, «когда в Космосе совершает свое победоносное движение искусственная Луна — чудесное творение всесильного человеческого разума» [За монастырской стеной 1958]. Согласно пропаганде, «религиозные предрассудки», пленниками которых по-прежнему являлись многие молодые люди, оказывали исключительно вредное воздействие на человека и мешали ему стать активным членом современного советского общества [Как я стал атеистом 1957; Страницы ее жития 1959]. Поэтому борьба с пережитками нежелательного прошлого была тесно связана с настоящим.

Со времен XX съезда в 1956 г. еще одно явление ужасного прошлого добавилось к дореволюционному периоду, а именно — преступления сталинской эпохи, которые, согласно секретному докладу Хрущева, распространявшемуся среди членов партии и комсомольцев, оставили негативные следы в умах представителей государства. В своей речи Хрущев явно воздержался от того, чтобы осудить период правления Сталина в целом. Он провел различие между достижениями эпохи, такими как построение социализма и победа во Второй мировой войне, и преступлениями, такими как уничтожение коммунистической элиты на основании бездоказательных обвинений [Zubkova 1998: 178–190; Thatcher 2011].

Этот ход рассуждений без конца повторялся разнообразными пропагандистскими каналами, нацеленными на молодежь. Образ Сталина как великого революционера, вдохновителя насильственной индустриализации и коллективизации и поначалу проводника ленинских принципов, оставался нетронутым в эпоху, последовавшую за секретным докладом. Однако отмечалось, что Сталин был испорчен властью, способствовал раз-

витию культа личности, который превратился «на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов и партийной демократии, к нарушениям революционной законности, к массовым репрессиям» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 347. Л. 65–66; Почему культ личности 1956]. Шелепин четко дал понять, что «партия критиковала Сталина не за то, что он был плохим коммунистом, а за отклонения, отрицательные качества, за то, что он допустил серьезные ошибки. Когда же речь шла о защите классовых интересов пролетариата, то Сталин всегда мужественно защищал дело марксизма-ленинизма. Он был выдающимся революционером» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 356. Л. 30].

Именно за эти «отрицательные качества» стиль сталинского руководства подвергся осуждению. Важной альтернативой стало возвращение к ленинским принципам и апелляция к ленинским личным качествам, которые подавались почти как черты святого от революции [Фокин 2007: 90]. Основная цель партии и комсомола заключалась в том, чтобы «и впредь настойчиво претворять в жизнь ленинскую генеральную линию» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 347. Л. 5] и тем самым восстанавливать ленинские принципы.

«Главнейшим из этих принципов является коллективность руководства, вытекающая из самой природы партии, построенной на основе демократического централизма, сочетающего активность, инициативу и самостоятельность членов партии с железной дисциплиной» [Почему культ личности 1956]. То, что так выделяло Ленина и очень отличало его от Сталина, — скромность. «Комсомольская правда» цитировала Горького, описавшего ленинский характер следующей формулой: «Простота. Прост, как правда» [Почему культ личности 1956]. Молодых рабочих-комсомольцев призывали следовать ленинскому примеру и воздерживаться от любых проявлений высокомерия и тщеславия в своей повседневной работе. В комсомольских организациях необходимо было восстановить коллективное руководство [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 347. Л. 71]. В своей речи 1956 г. Шелепин констатировал, что многие недостатки в работе комсомольских секретарей проистекали от дурного влияния Сталина на молодых товарищей: «Именно в годы культа личности укоренились такие негодные методы в работе комсомола, как голое администрирование, оказывание работы, бюрократизация аппарата. <...> Не случайно в комсомоле развились такие уродливые явления, как замазывание недостатков, лакирование действительности, парадность и шумиха, очковтирательство <.....> К сожалению, от этих недостатков мы не избавились и сейчас» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 347. Л. 66].

Именно поэтому, согласно Шелепину, главная задача комсомола состояла в воспитании «настоящих ленинцев» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 356. Л. 40], которые следуют ленинским решительности и скромности: «Первейшей обязательностью комсомольских организаций является воспитание молодежи на примере жизни и деятельности великого Ленина. Все, что связано с именем Ильича, бесконечно дорого и свято для нашей молодежи. Воспитывать молодежь — это значит учить ее по-ленински думать, по-ленински работать, по-ленински жить» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 41].

Преемник Шелепина на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ Владимир Семичастный объяснил, что значит для молодого человека быть «настоящим ленинцем»: «Это значит — всегда и во всем, на любом посту, в любом деле быть борцом и революционером» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 68]. Таким образом, возвращение к ленинским принципам и следование ленинским чертам характера снова оказывалось соотнесенным с теми аспектами прошлого, которым придавалось героическое значение. Демонстрируя тесную связь между Лениным и нынешним поколением, пропаганда эпохи «оттепели» указывала на преемственность между героическим прошлым и настоящим.

Эта преемственность также подчеркивалась, когда разговор заходил о нынешнем руководстве, особенно о Н.С. Хрущеве. Хрущева подавали — и, конечно, он сам себя подавал — единственным подлинным последователем Ленина и ленинских принципов в нынешнем руководстве советского государства [Thatcher 2011]. В 1963 г. тогдашний первый секретарь ЦК комсомола С. Павлов объявил Хрущева образцом ленинских принципов: «Примером кипучей энергии и титанического трудолюбия, примером революционной страстности и смелости, примером постоянного творческого горения, кровной связи с народом стала для советской молодежи жизнь и деятельность выдающегося марксиста-ленинца Н.С. Хрущева». Это заявление вызвало «бурные аплодисменты» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 65].

Оттепельная пропаганда указывала, что Хрущев стал достойным преемником Ленина, что он выступает в качестве символической связи между героическим прошлым и героизмом нынешнего поколения и, таким образом, воплощает успешное преодоление ужасного сталинского прошлого.

Однако рамки, определявшие сталинское прошлое, включали лишь внутреннюю политику и карательную стратегию, а также культурную сферу. В то же время пропаганда стремилась показать непрерывный характер народного героизма с самого

начала, т.е. с 1917 г., и до нынешних дней. Согласно этой точке зрения именно народ осуществил революцию, строил социализм и победил фашизм. Пропаганда четко показывала, что «эти гигантские успехи в строительстве нового общества, достигнутые советским народом под руководством Коммунистической партии», были делом рук не одного человека — Сталина, а масс, которые героически трудились и испытывали лишения ради лучшей жизни при коммунизме [Почему культ личности 1956].

Занятно, что прочную континуальность можно увидеть и в сфере идеологии, где сталинистские построения и риторика продолжали функционировать без какого-либо значимого разрыва. Как будет показано в следующем разделе статьи, идея строительства коммунизма, которая являлась основой идеологических кампаний «оттепельной» эпохи, занимала важное место и в сталинской пропаганде. Перспектива коммунистического будущего наполняла газеты и другие пропагандистские каналы при Сталине и после его смерти и поэтому фигурировала как связь между сталинским прошлым, «оттепельным» настоящим и будущим, которое нынешнее поколение должно было сделать коммунистическим [Фокин 2007: 31, 201].

Вторая точка отсчета: светлое коммунистическое будущее

Уже в 1948 г. комиссия под руководством А.А. Жданова подала проект обновленной редакции программы КПСС, в которой в первый раз конкретизировалась задача построения коммунизма, а также время его наступления — через 20 или 30 лет [Фокин 2007: 28–29; Gestwa 2010: 41–43]. Идея достигла своего пика в годы правления Хрущева, когда в третьей партийной программе 1961 г. было заявлено, что коммунизм будет построен к началу 1980-х гг. [Программа 1967: 65]. Отказ от этой идеи можно датировать 1971 г., когда официальная пропаганда перестала говорить о быстром переходе от социализма к коммунизму и заменила эту риторику лозунгом «развитого социализма» [Gilison 1975: 96–100, 182–185; Вейгау 2005].

Третья партийная программа обещала нынешним молодым людям, с одной стороны, что им повезет в скором времени жить при коммунизме, с другой стороны, однако, эта перспектива была тесно связана с высокими требованиями, которым должны были соответствовать молодые люди. Первый секретарь ЦК комсомола С. Павлов так определил место молодежи между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: «Развернутое строительство коммунизма — это продолжение социалистической революции, ее решающий этап. Поэтому нынешней молодежи не в меньшей степени, чем ее отцам, нужен

революционный дух, страстность и убежденность» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 34].

Героический дискурс «оттепельной» эпохи задает четкое видение светлого будущего: бесклассовое общество, в котором господствуют не правила или законы, но нравственное сознание каждого, кто принадлежит к этому обществу. Это представление близко утопическим устремлениям классического марксизма, оно нашло свое выражение в раннесоветские годы в милленаристском представлении об обществе будущего [Halfin 2000; Stites 1989: 37–40]. Риторика «оттепельной» пропаганды обладала столь же мощным эсхатологическим характером. Хрущев витийствовал о коммунистическом будущем: «Отдадим же, товарищи, все свои силы, всю энергию скорейшему приближению того дня, когда солнце коммунизма засияет над нашей землей» [Хрущев 1961: 141].

Светлое будущее не наступит, однако, автоматически. Советский народ, особенно молодое поколение, должен был день и ночь трудиться над его строительством. Если этого не произойдет, успех начинания окажется под угрозой. Хрущев четко дал это понять в своей речи на XIII съезде комсомола. Ораторы, выступавшие позднее на других комсомольских совещаниях, неоднократно не нее ссылались, как, например, С. Павлов, цитировавший знаменитое высказывание первого секретаря партии в 1960 г.: «Не барская жизнь, где царят лень и праздность, будет при коммунизме, а рабочая, трудовая, культурная и интересная жизнь!» ([РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 400. Л. 11]; см. также: [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 69]).

Поэтому «оттепельная» пропаганда поощряла активное отношение к строительству коммунизма, подавая современных людей ответственными за успех дела [DeGeorge 1968: 57]. Роль молодого поколения в этом проекте заключалась в том, чтобы преследовать две цели одновременно. «Партия учит, что для перехода к развернутому строительству коммунизма необходима не только мощная материально-техническая база, но и высокий уровень сознательности всех граждан социалистического общества» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 66–67]. Для достижения первой цели важно было, чтобы молодежь с энтузиазмом участвовала в производственном процессе в каждой отрасли национальной экономики. Призывая к «конкретному участию в выполнении и перевыполнении заданий семилетнего плана, во всемерном повышении производительности труда», «Комсомольская правда» видела роль комсомола в том, чтобы «обеспечить активное участие каждого юноши, каждой девушки в создании материально-технической базы коммунизма» [Коммунизм — дело наших рук 1961].

Логичным представляется то, что труд должен был играть столь значимую роль в пропаганде. Он подавался не просто как род деятельности, ценный сам по себе, но как важное средство «закалки» молодых людей в их борьбе за коммунизм [В труде мужает, закаляется человек 1958; В труде растет человек 1958]. Еще более важным он оказывался потому, что поколение, которое должно было реализовать коммунистический проект, не участвовало ни в каких крупных исторических событиях, которые напоминали бы борьбу не на жизнь, а на смерть. Поэтому повседневный труд молодых людей в промышленности и сельском хозяйстве описывался как «героические будни» [Наши героические будни 1961], в которых молодые рабочие становились «героями нашего времени» [Они — герои нашего времени 1960].

Освоение целинных земель обещало приключения и романтику, но газета представляла «самый трудный героизм» как упорный повседневный труд, а не как одномоментное действие, сопряженное с риском и жизненными переменами [Самый трудный героизм 1959]. Необходимыми были повседневный труд и перевыполнение плана, если молодое поколение полно решимости создать материально-техническую базу коммунизма, что считалось необходимым условием коммунистического общества, как неустанно повторяла оттепельная пропаганда.

Второй задачей, которую дискурсы «оттепели» подавали как важную для достижения коммунизма, являлось формирование у молодого поколения набора нравственных черт, которые подготовили бы молодежь к строительству коммунизма и жизни в коммунистическом обществе. «Строители коммунизма» обязаны были вести себя в соответствии с четко определенной коммунистической моралью, которая отличала их от людей капиталистического или даже социалистического общества, а также помогала им выработать моральное сознание нового коммунистического человека.

Идея «нового человека», который должен населять коммунистическое общество, вдохновляла воображение советских философов и политиков в течение длительного времени. На протяжении первого советского десятилетия ни одна из версий «нового человека» не выделялась в качестве официально санкционированной. Этот период можно скорее охарактеризовать как «лабораторию утопических экспериментов» [Stites 1989: 46]; ни версии «нового человека», ни его образ еще нельзя было рассматривать как готовый продукт, но скорее как «процесс на стадии реализации» (“process in progress”) [Halfin 2000: 28]. Только в 1930-е гг. возник властный дискурс («создателем» которого был Сталин), моделировавший официальную версию

«нового человека» [Stites 1989; Plaggenborg 1996; Yurchak 2006: 1–33].

Эта версия оставалась преобладающей и после смерти вождя и впервые была представлена в кодифицированном виде в «Моральном кодексе строителя коммунизма», являвшемся частью партийной программы 1961 г. [Программа 1967: 119–120]. Здесь опять становится ясным, что моральная инженерия являлась центральным концептом «оттепельного» периода, а комсомол пропагандировал формирование «нового человека» в качестве неизбежного условия строительства коммунизма. В 1959 г. первый секретарь ЦК комсомола Семичастный указывал на важную роль коммунистического воспитания: «Партия ставит вопрос четко и ясно: чтобы придти к коммунизму, нужно уже сейчас воспитывать человека будущего. А для этого необходимо развивать новые качества советских людей» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 67].

Эти новые качества, составлявшие основу коммунистической морали, оказывались при ближайшем рассмотрении совсем не новыми. Они очень напоминают десять заповедей Ветхого Завета, хотя и в слегка адаптированном к советским реалиям и фантазиям виде. Честность и искренность выдвигались моральным дискурсом в качестве основных черт характера, которыми «новый человек» должен был обладать, если хотел войти в коммунистическое будущее (например, [Честное Комсомольское 1958; «Искренность» 1963]). «Поезд <...> в коммунизм» не мог взять людей, которые обладали нежелательными чертами характера [Вайль, Генис 2001: 18].

Молодые люди должны были развивать особую «непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству» [Моральный кодекс 1964: 81]. Ключевые добродетели честности и правдивости считались критерием межличностных отношений. Так, статья в «Комсомолке» призывала к «дружбе честной, верной, чистой» [Дружба честная, верная, чистая 1958]. В статье напрямую упоминается еще один аспект морального дискурса, а именно — принцип «коллективизма и товарищеской взаимопомощи» [Программа 1967: 120].

Марксистско-ленинская теория рассматривала людей как социальных существ, которые самоопределяются через свои отношения с другими и с обществом и которые обретают свою полную человечность только благодаря активному участию в производственном процессе. Согласно этой концепции индивидуальная свобода обретается исключительно в обществе. Индивидуальные желания должны гармонически сочетаться с общественными интересами или — если так не получается — подчиниться коллективной воле [DeGeorge 1968: 57–65]. Апел-

лируя к концепциям раннесоветского периода и представлению этой эпохи об «исчезновении частной жизни» [Bershtein 2006], моральный дискурс «оттепели» пропагандировал строгий общественный контроль над частной жизнью, на смену которой должно было прийти коллективное отношение к жизни [Field 2007: 1–25]. Указывая на важную роль коллективного духа для успеха коммунистического проекта и предлагая образцы товарищества, «Комсомольская правда» опубликовала несколько статей, посвященных данной теме [Товарищество надо ценить 1958; Личное дело? 1959; Держа и вздымая друга 1961].

Значимость, которую постсталинский моральный дискурс приписывал коллективному духу, тесно связана с тем важным местом, которое занимала «любовь к социалистической Родине» [Программа 1967: 119], требовавшая высокого градуса патриотизма. В то же самое время дискурс пытался внедрить в сознание молодых людей чувство солидарности с другими социалистическими странами, а также с рабочим классом всего мира. Официальный дискурс подчеркивал, насколько важно «воспитывать молодежь в духе социалистического интернационализма», и таким образом выстраивал прямую связь с 1920-ми гг., когда интернационализм являлся ключевым вопросом советской политики [Товарищ Комсомол 1968: 275].

Пропаганда сводила «дружбу народов» [Хрушев 1961: 91] исключительно к социалистическим силам, одновременно подогревая ненависть к капиталистическому миру. Главным «средством для одурманивания молодого поколения» считался американский образ жизни [Товарищ Комсомол 1968: 243]. Противопоставляя особую советскую форму коллективизма буржуазному эгоизму, пропаганда «оттепельной» эпохи призывала к борьбе против того, что приписывалось капиталистическому образу жизни, — «к борьбе против пережитков капитализма» [Товарищ Комсомол 1968: 198]. Моральный дискурс считал западную идеологию и мораль ответственными за нежелательные явления, все еще присутствовавшие в советском обществе. В 1956 г. первый секретарь ЦК комсомола Александр Шелепин призвал своих товарищей, комсомольцев всего Советского Союза, включиться в эту кампанию: «Советский Союз стоит, как известно, за мирное сосуществование и экономическое соревнование с капитализмом, но это не значит, что можно ослабить борьбу против буржуазной идеологии, против пережитков капитализма в сознании людей» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 347. Л. 51].

В данном случае становится очевидным, до какой степени на официальный советский дискурс воздействовали внешние яв-

ления, которые оказывали большое влияние на некоторые группы советской молодежи; понятным становится и то, что некоторые из советских идеологических тенденций были лишь реакциями на эти явления. Результатом необходимости реагировать стали ширококомасштабные кампании против поклонников западной моды, «стиляг», против хулиганства, пьянства и тунеядства. Степень распространения данных явлений среди советской молодежи была выше приемлемого для комсомола и партии; «Комсомольская правда» и комсомольские вожди агрессивно высказывались на этот счет.

Стиляжничество представляло собой явление, охватывавшее особую группу молодых горожан из обеспеченных семей, которые следовали определенному дресс-коду, вдохновленному американскими фильмами, и посвящали моде, западной музыке и современным танцам большую часть своей энергии [Edele 2002; Fürst 2006a; Fürst 2006b]. Шелепин так описывал типичного представителя этих «чуждых» тенденций: «Стиляга наденет белый пиджак, красные штаны или штаны шириною в 12 сантиметров» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 353. Л. 355].

Другой проблемой, по отношению к которой официальный дискурс должен был занять твердую позицию, стало хулиганство, которое в эпоху «оттепели» по сравнению с предыдущим периодом превращалось во все более неотложную проблему. На своих конференциях комсомольские лидеры обсуждали высокий уровень преступности среди молодежи [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 400. Л. 60] и призывали своих товарищеско-комсомольцев бороться с растущим уровнем хулиганских действий. «Нам всем должно быть стыдно за то, что среди нашей замечательной молодежи есть еще хулиганы, люди, которые подчас хамски ведут себя по отношению к девушке, сквернословят, нарушают нормы коммунистической морали, за то, что многие юноши сидят в тюрьме за те или иные проступки и преступления» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 356. Л. 90]. Между тем причиной столь прискорбного роста преступности среди молодежи стало не увеличение количества преступлений в абсолютных цифрах, а новый и более строгий метод оценки и наказания мелкого хулиганства, который сделал объектом внимания опасность данного явления для общественного порядка и безопасности [Lapierre 2006; Fürst 2006a].

То же верно и относительно так называемого тунеядства. В законе 1961 г. о тунеядстве труд определяется в качестве обязательного для каждого советского взрослого, а праздность подвергается криминализации. Закон был направлен главным образом против вестернизированной «золотой молодежи», людей, занятых во вторичных секторах экономики, а также рели-

гиозных сектантов. Эта риторика, однако, использовалась в том числе и для дисциплинирования все возраставшего числа молодых людей, которые демонстрировали желание выпасть из советского общества [Fitzpatrick 2006].

Если смотреть на риторику борьбы против «пережитков капитализма» или западных влияний, становится понятно, что официальный дискурс не только действовал в соответствии со своей программой, но и реагировал на внешние влияния и, таким образом, оказывался гибким и подвижным.

Занятно, что риторика, использовавшаяся в официальных комсомольских заявлениях, касавшихся следов нежелательного прошлого, все сильнее и сильнее начинала напоминать скорее атмосферу 1930-х гг., чем постсталинскую эпоху, обращаясь к категориям социальной исключенности. Кампании против девиантного поведения среди молодежи фокусировались главным образом на моральных аспектах и пытались подвергнуть нравственному остракизму эти явления, мешавшие продвижению к коммунистическому обществу.

И опять в основе официального дискурса лежала моральная, а не социальная инженерия. Например, июльский Пленум ЦК в 1963 г. указал на чрезвычайную значимость борьбы с подобными явлениями. Намерения партии следующими словами выразил Сергей Павлов: «Тунеядец, хапуга, пьяница — все они сегодня становятся нашими врагами, не менее опасными, чем классовые» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 34]. Молодежь призывали ненавидеть этих людей, большинство статей и комсомольских реплик, посвященных стилиажничеству, хулиганству или преступности среди молодежи, высмеивали и маргинализировали эти явления [Свое и чужое 1957; Хулиганов — вон! 1961]. Знаменитые слова Ленина — цитата из Библии — согласно которым «кто не работает, тот не ест» [Программа 1967: 120], приводились с тем, чтобы привить молодежи «презрение к тунеядцам и лентяям» [Моральный кодекс 1964: 86; Kucher 2007: 269].

Статьи «Комсомольской правды», посвященные случаям тунеядства среди молодежи, говорили о нравственной необходимости бороться с проявлениями паразитизма (см., например: [Тунеядец 1956; Работать должны все 1957; Вырвать корни тунеядства! 1963]). Согласно «оттепельной» пропаганде для успешного построения коммунизма неизбежным является уничтожение этих явлений, поскольку им нет места в коммунистическом будущем.

В одной из своих речей 1959 г. Семичастный указывал на опасность буржуазной идеологии: «Утверждение коммунистиче-

ских взглядов и норм поведения происходит в борьбе с пережитками капитализма. Мы не можем игнорировать возможность буржуазного влияния и обязаны вести борьбу против него, против проникновения в среду советских людей и особенно в среду молодежи чуждых взглядов и нравов» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 78]. Такие «уродливые остатки прошлого» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 79], «как стяжательство, эгоизм, общественная пассивность», должны быть ликвидированы: «Искоренить их до конца — такова задача, и задача эта не из легких» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 33–34].

При этом подчеркивалось, что до сих пор моральная инженерия была успешной, поскольку советский народ в целом и молодежь в частности были готовы выполнить задачу построения коммунизма. Партийная и комсомольская пропаганда превозносила молодое поколение как достойного преемника предыдущих советских поколений, которым удалось построить социализм, и выражала свою уверенность в том, что молодежь нравственно готова реализовать стоящую перед ней цель. Главный идеолог партии Л.Ф. Ильичев выразил свою точку зрения по поводу достижений молодого поколения, а также его решимости строить коммунизм, заявив в 1963 г.: «Наша молодежь была и остается прекрасной и активной частью социалистического общества, преданной великим идеалам коммунизма» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 33].

Особую гордость выказали комсомольские лидеры в 1959 г. после XXI съезда партии, на котором комсомол и советская молодежь удостоились похвал Н.С. Хрущева: «Весь съезд горячо аплодировал Никите Сергеевичу Хрущеву, когда он произнес дорогие для всех нас слова: “Своими славными делами комсомол завоевал уважение и любовь всего нашего народа”. Такая высокая оценка партийным съездом, товарищем Хрущевым наших скромных дел есть величайшая честь для комсомола и советской молодежи» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 37].

Первый секретарь ЦК комсомола Семичастный подхватил эти слова поощрения и определил своих товарищей-комсомольцев и советскую молодежь в целом следующим образом: «Стремление молодежи к практическому участию в строительстве коммунизма, к сознательному творческому труду является характернейшей чертой сегодняшнего поколения. <...> Не винтиками, а подлинными хозяевами идут сегодня в цехи и на стройки, на поля и фермы, в таежную глухомань и безводные пустыни молодые патриоты. И можно было бы приводить тысячи и тысячи примеров героического труда нашей молодежи» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 35]. Выразив высокую

оценку молодого поколения, партийные и комсомольские лидеры не только ожидали от него готовности на тяжелый труд в соответствии с партийными установками, но и определили героическую роль молодежи как связь между героическим прошлым и коммунистическим будущим.

«Комсомольская правда» не отставала от этой риторики. Как и на комсомольских собраниях, в газете тоже повторялись слова Хрущева, в которых он превозносил молодежь и комсомол за их вклад в решение задач, поставленных партией и государством [Мы к коммунизму держим путь 1961]. Во многих статьях молодое поколение подавалось нравственно соответствующим ожиданиям, которые на него возлагались. Репортажи о молодых людях, демонстрировавших черты, сходные с чертами поколения героического прошлого, показывали, что молодое поколение готово принять наследие отцов и приняться за строительство коммунистического общества. Эти статьи констатировали, что жизнь, работа и досуг молодых людей уже сегодня демонстрировали нравственные черты коммунистического будущего. «Разве мы не видим уже в дне сегодняшнем отличительные черты нашего близкого завтра! Да, мы их видим в новых трудовых успехах тружеников цехов и полей, в неуклонном подъеме производительности труда, <...> в попытках преобразователей природы» [Наше завтра 1956].

Другая статья, например, была посвящена молодежной бригаде на одной из ленинградских фабрик, которая получила имя «бригады коммунистического труда». В статье описано, как рабочие боролись за повышение уровня своего образования, и высказаны похвалы их производственным успехам [Здравствуй, завтра! 1959]. Эти молодые люди подаются так, как будто уже сегодня они предвосхищают трудовые отношения коммунистического будущего и демонстрируют качества «нового человека».

Как писалось в 1961 г. в другой статье, молодые рабочие из подобных бригад «находятся <...> на магистральной дороге из настоящего в будущее» [Бригада идет к коммунизму 1961]. Хорошую подготовку большинства представителей молодого поколения к участию в активном строительстве коммунистического общества также демонстрировали статьи о «стройках коммунизма» и «ударных комсомольских стройках», где — как заверяла пропаганда — молодежь получала практическую подготовку для того, чтобы строить коммунизм и наслаждаться его благами [Университет мужества 1962].

То, как именно будет построен коммунизм, было намечено в новой партийной программе, обсуждавшейся на собраниях и в газетах летом 1961 г. В программе можно прочесть деталь-

ное расписание на будущее. Она давала точные плановые расчеты экономического развития, которые на научной основе показывали, что «материально-технический базис коммунизма» может быть достигнут в течение следующих десяти лет. В программе были определены точные даты следующих шагов в направлении коммунистического будущего, описано, как должны измениться социальные отношения в соответствии с экономическим развитием и «моральным кодексом строителей коммунизма», который четко определял, какие качества должны демонстрировать новые люди [Фокин 2007: 43–86]. Новую программу можно рассматривать как основной момент в советском дискурсе о коммунистическом будущем; приводя точные даты, программа пыталась убедить народ в неизбежном приходе коммунизма, если люди окажутся готовыми к борьбе за него.

Однако еще до 1961 г. статьи «Комсомольской правды» не раз фокусировались на коммунистическом будущем и подчеркивали, что коммунистическое общество оказывается в пределах досягаемости нынешнего поколения. В одной статье, например, говорилось, что «будем жить еще лучше и краше!» [Будем жить еще лучше и краше! 1960], в другой было заявлено, что «будущее — рядом» [Будущее — рядом 1963]. Когда проект партийной программы был предложен для публичного обсуждения, статья в «Комсомольской правде» вкратце объясняла содержание новой программы и тем самым пропагандировала ее основы среди молодых читателей [Мы к коммунизму держим путь 1961], в то время как другие тексты поясняли ту важную роль, которую должны были играть молодежь и комсомол в процессе строительства коммунизма [Нам жить в коммунизме 1961].

Вскоре стало ясно, что основная задача, которая приписывалась молодежи, заключалась в поддержке национальной экономики и, таким образом, в подготовке экономической базы коммунизма. «Каждый молодой человек понимает, что добиться выполнения Программы можно только трудом, трудом и трудом», — так было сформулировано в одной из статей «Комсомолки» в ноябре 1961 г. [Коммунизм — дело наших рук 1961]. Молодых людей призывали поверить в реальный характер описанных в программе шагов к коммунистическому обществу и активно включаться в реализацию того, что необходимо для построения коммунизма. Партийная программа распространялась среди молодых читателей как «программа твоей жизни», и таким образом ей приписывалось индивидуальное измерение, что подчеркивало личную ответственность каждого молодого человека за успех или неудачу проекта [Программа твоей жизни 1961].

Космос как манифестация коммунистического будущего

В то время когда обсуждалась новая партийная программа, Юрий Гагарин и Герман Титов осуществили первые космические полеты и таким образом продемонстрировали, что советская молодежь способна совершать подвиги, которые ранее считались невозможными и даже фантастическими. Оба события были чрезвычайно широко представлены в СМИ, а «Комсомольская правда» посвятила целый номер молодым героям космоса [Человек в космосе! 1961; Космос крупным планом 1961]. Юрий Гагарин первым начал претендовать на роль советской суперзвезды, что в то время в Советском Союзе было уникальным явлением и что можно сравнить только со звездным статусом актеров и актрис Голливуда [Gestwa 2009].

То, как подавался космический героизм, однако, напоминало сталинский культ летчиков, восходивший к лозунгу Максима Горького «Вперед! и — выше!» [Горький 1970: 35]. И в культе летчиков, и в космическом культе представление о «могуществе» [Günther 1993: 99] человека является преобладающим. Эта ницшеанская идея создания «нового человека» теперь переходит от авиаторов к космонавтам; в рамках этого представления космонавты подаются как воплощение качеств новых людей коммунизма [Clark 2000: 125–127, Günther 1993: 155–174]. В соответствии с их репрезентацией в СМИ космонавты любили свою профессию, выказывая, таким образом, новое отношение к труду, они жили согласно моральному кодексу и воплощали качества «нового человека» коммунистического общества, скромно отзываясь о своих успехах [Перед новыми стартами 1961].

Когда во время своего полета в 1964 г. члены экипажа космического корабля «Восход» вышли на прямую связь с Хрущевым, они считали необходимым подчеркнуть свой коллективистский дух и глубокие дружеские отношения среди членов экипажа. Лидер государства и партии приветствовал это проявление коммунистической морали словами «Молодцы, молодцы!» [Счастливого приземления 1964]. Согласно советской космической пропаганде то, что они демонстрировали качества «нового человека», предвосхищая в настоящем коммунистическое будущее, оказывалось главной причиной того, что им удавалось совершать почти фантастические подвиги.

Помимо своей готовности к коммунистическому будущему, герои космического культа представляли обычными советскими людьми. Гагарин, например, был крестьянского происхождения и делал свою офицерскую карьеру в военно-воздушных силах [Kowalski 2002]. «Комсомольская правда» представляла его обычным советским молодым человеком, у которого такие

же радости в жизни, как и у людей его поколения: «Ему двадцать семь лет. Он жил среди нас. Он сидел рядом с нами в кино, по воскресеньям катил коляску в парке. <...> Он ходил в гости, играл в баскетбол и в бильярд, и все мы не знали, какая у него служба. Он был человеком, который готовился. <...> И вот он в космосе!» [Дорога к звездам 1961].

Новый герой вполне может сочетать выполнение семейных обязанностей, роль заботливого мужа и любящего отца со славой советского героя: «Гагарин. <...> Сколько раз назовут теперь на Земле простую русскую фамилию. Майор Гагарин. <...> А для нее [жены Вали] он — просто Юра. А Леночке [дочке] он — просто папка. А Земля назовет его Сыном и вечно будет гордиться» [Дорога к звездам 1961]. Как и другие космонавты, Гагарин представлен обычным советским молодым человеком, который в героической атмосфере интенсивного строительства коммунизма легко может стать героем. Эта манера подачи опирается на традицию пангероизма 1930-х гг. и таким образом является продолжением еще одной сталинской традиции.

В качестве другого примера этой традиции можно рассматривать первую и на протяжении длительного времени единственную женщину в космосе: Валентина Терешкова была представлена в качестве идеала советской женщины, выполняющей свои обязанности в труде и личной жизни [Bridger 2004]. Статья, посвященная ее браку с космонавтом Андрияном Николаевым в 1963 г., педализует образ Терешковой как обычной жены и матери, в то же время показывая ее героем космоса [Земное счастье 1963]. Один из выступавших на Пленуме ЦК комсомола в 1963 г. указал на тот факт, что молодой женщине не чужд и земной героизм: «Товарищи, я вам могу сказать, что Валя Терешкова не только покоряет космос, она работает в бригаде бетонщиков Алексея Соломатина, строит Красноярскую ГЭС» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 442. Л. 171].

Так распространялась идея пангероизма среди молодого поколения, указывалось на тот факт, что каждый молодой человек имеет шанс стать героем, если его нравственное сознание соответствует требованиям коммунистической морали; каждый «новый человек» является потенциальным героем, и космонавты продемонстрировали этот вездесущий характер героизма, будучи обычными людьми. Таким образом, становилось понятным, что нынешнюю эпоху следует рассматривать как еще один героический период, который последовал за героическими временами Октябрьской революции и Гражданской войны, индустриализации 1930-х гг. и Второй мировой войны.

Средства массовой информации подавали молодых завоевателей космоса как жестко интегрированных в «большую семью» советского народа. Как и в случае летчиков 1930-х гг., роль космонавтов ограничивалась ролью послушных детей, смотрящих снизу вверх на своего заботливого и требовательного отца, вождя партии и государства; они чувствовали глубокую привязанность к своей символической матери, в роли которой выступала то партия, то Родина [Clark 2000: 114–135, Günther 1993: 158–164].

Хрущев принял на себя роль отцовской фигуры по отношению к молодым космонавтам и открыто демонстрировал тревогу за их благополучие во время космических полетов. В 1964 г. «Комсомольская правда» опубликовала беседу Хрущева с экипажем космического корабля «Восход», в которой Хрущев отчетливо играл отцовскую роль и выражал заботу по поводу благополучия своих сыновей: «Очень рад, Владимир Михайлович [Комаров], что у вас на корабле все в порядке и вы чувствуете себя хорошо. Желаю успехов» [Счастливого приземления 1964].

Коммунистическая партия была представлена заботливой матерью космических героев, вдохновлявшей их смелость и стремление к действию. В 1963 г. первый секретарь ЦК комсомола С. Павлов подчеркивал эту роль партии по отношению к космонавтам: «И если сегодня мы можем гордиться славными делами нашей молодежи, <...> эпохальными подвигами наших героев-космонавтов, воплотивших в себе лучшие черты и качества миллионов и миллионов советских юношей и девушек, то всем этим мы обязаны постоянной помощи и поддержке, безграничному доверию, материнской заботе родной Коммунистической партии, ее Ленинского Центрального комитета, лично Н.С. Хрущева!» Аудитория выразила свое одобрение бурными аплодисментами [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 64–65].

Таким образом, космические герои, которые играли роль выдающихся представителей советской молодежи, представляли весьма зависимыми от заботы и любви одновременно политического лидера и энтузиаста космоса Н.С. Хрущева и Коммунистической партии. Взаимоотношения между детьми-космонавтами и взрослыми политическими лидерами соответствуют отношениям между комсомолом и партией, которые Устав комсомола определял следующим образом: «ВЛКСМ примыкает к КПСС, является ее резервом и помощником» [Устав 1960: 3]. Пропаганда подчеркивала, что космонавты были воспитаны комсомольской организацией и совершали свои героические поступки как «воспитанники Ленинского комсомола» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 442. Л. 148], представляя, таким образом, свою организацию и определяя взаимоотношения с партией.

Поскольку многие космонавты еще до полетов стали членами КПСС, комсомольская пропаганда и «Комсомольская правда» уделяли особое внимание случаю В. Быковского; как сказал С. Павлов, награждая его значком «за активную работу в комсомоле»: «Вдвойне приятно, что впервые в космос поднялся член ВЛКСМ Валерий Быковский. <...> Он полетел в космос комсомольцем, но вернулся на землю членом нашей великой партии коммунистов!» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 442. Л. 148–149]. Освещая этот эпизод, «Комсомольская правда» возводила решение Быковского вступить в партию к разговору с Хрущевым во время полета. Таким образом, символическое взросление героя — уход из молодежной организации и вступление во взрослый мир коммунистической партии — связывается в данном случае с отеческим советом и поощрением со стороны Хрущева [К новым стартам! 1964].

Однако роль космонавтов не ограничивалась ролью исполнительных детей; они также являли собой выдающиеся примеры для своих братьев и сестер по комсомолу, для всей советской молодежи. Их героические деяния вписывались в контекст труда всего советского народа, вместе с которым они строили коммунизм. И хотя космические полеты представляли доселе неизвестными и единственными в своем роде подвигами, деяния космонавтов ставились на одну доску с героизмом, который молодое поколение демонстрировало в своем повседневном труде.

Об этом напомнил молодым читателям «Комсомольской правды» Герман Титов: «Мирные исследования просторов Вселенной стоят в ряду многих и многих других дел, намеченных в проекте новой Программы Коммунистической партии. <...> И каждый новый старт в космос — это новый победный салют нашей партии, нашему народу, творцам спутников и комбайнов, тем, чьими руками создаются румяные караваи хлеба и светлые просторные дома, гигантские плотины и уникальные приборы — победный салют творцам коммунизма» [Перед новыми стартами 1961]. Он повторил свою мысль, говоря о полетах Терешковой и Быковского на Пленуме ЦК комсомола в 1963 г. Титов приравнял их трудовой день в космосе к трудовому дню советского народа и тем самым уравнивал их подвиги с повседневным трудом советской молодежи [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 442. Л. 154–155].

Подобный образ космонавтов делал их примером, которому должно было следовать молодое поколение «оттепельной» эпохи: космонавты были показаны как обычные советские молодые люди, исполнительные дети и выдающиеся образцы коммунистической морали для своих братьев и сестер, как состоящих в комсомоле, так и не состоящих. Тот факт, что со-

ветская молодежь готова принять космонавтов в качестве нравственных образцов, подчеркивала пропаганда, цитируя некоего московского студента в «Комсомольской правде» в 1964 г.: «Дорогие наши космонавты! <...> Вы для нас — родные, близкие люди. Молодежь гордится вами, берет с вас пример, учится у вас трудолюбию и настойчивости, бесстрашию и скромности» [К новым стартам! 1964].

Советское завоевание космоса, начатое запуском «Спутника» в 1957 г., сделало гораздо более актуальным представление о том, что молодое поколение застанет светлое будущее. В конце концов советский народ способен свершать эти почти фантастические подвиги в космическом пространстве; параллелизм между этими доселе невыполнимыми вещами и утопическим видением коммунизма был поразительным. Если народ, составляющий большую советскую семью, может покинуть землю и летать к звездам, это свидетельствует о таком техническом превосходстве Советского Союза и советского общества, что коммунизм кажется расположенным на расстоянии вытянутой руки. То, что казалось недостижимым на протяжении длительного времени, приобрело очертания чего-то внезапно ставшего реальным и достижимым благодаря нравственным качествам протагонистов.

Космос и коммунизм представляли синонимами советской способности делать осуществимым казавшееся невозможным. Достижения космонавтов подчеркивали также важность нравственной подготовки молодого поколения для решения поставленных перед ними задач — подобно тому, как они сами готовились к своей миссии. Завоевание космоса и строительство коммунизма оказывались тесно связанными, как писала об этом газета в 1959 г.: «Космические исследования — это большой вклад советских специалистов в осуществление исторических решений XXII съезда КПСС и принятой им Программы построения коммунизма» [К новым стартам! 1964].

«Комсомольская правда» не упустила случая использовать пример полета Гагарина, чтобы продемонстрировать ошибочность мнений зарубежных критиков советского проекта, которые до того момента не верили как в возможность построения социализма, а затем и коммунизма в Советском Союзе, так и в способность советской технологии осуществлять подобные вещи в космосе. Поскольку темпы экономического развития в Советском Союзе, как писалось в одной из статей, намного выше западных и легко обгоняют темпы экономического развития в США, свершения советской технологии в космосе оказываются еще одним доказательством превосходства социализма над капитализмом [Привычный темп 1961]. Подтекст, вне всякого сомнения, заключался в том, что если советскому народу уда-

лось развить столь высокие темпы экономического развития, догнав капиталистические страны и даже полетев к звездам, то строительство коммунизма является следующей, ждущей своей очереди задачей, которую должен решить советский народ.

В другой статье цитировались американские и британские газеты; здесь детально было показано, насколько ошибались капиталистические критики Советского Союза в своей неверии в советское превосходство: «Сколько раз уже всем консерваторам мира приходилось глотать собственные шляпы, когда советский народ выполнял и перевыполнял свои великие предначертания. Так и будет!» [С космическом ускорением 1961].

Космические полеты подавались не только в качестве индикатора превосходства социализма над капитализмом, они вполне открыто связывались с перспективой построения коммунизма: «Поистине космическое ускорение придает проект Программы Коммунистической партии Советского Союза движению человечества в коммунизм, утверждая Мир, Труд, Свободу, Равенство и Счастье на всей земле, навсегда!». Карикатура, сопровождавшая статью, иллюстрирует суть: партийная программа, репрезентирующая идею построения коммунизма, возносит Советский Союз к звездам, т.е. к светлому коммунистическому будущему, в то время как капиталисты, империалисты и милитаристы остаются позади и могут только браниться и ругаться, не поспевая за советскими темпами движения к светлому будущему (рис. 1).

Рис. 1.

«Комсомольская правда» приводит и другие иллюстрации, визуально подчеркивавшие неразрывное переплетение космоса и коммунизма. Одна из таких иллюстраций, названная «К звездам!» (рис. 2), изображает советского рабочего, решительно шагающего «вперед и выше» — в соответствии с горьковским представлением о «новом человеке». Рабочий использует космические ракеты в качестве ступеней, ведущих к звездам, а в руках несет знамя, на котором написано: «Во имя мира, во имя прогресса!». Эту картинку можно рассматривать как символическое изображение советского народа, который, приобретая качества «нового человека», шагает вперед к светлому будущему коммунизма, используя в качестве лестницы вежи космических успехов, обозначающих советскую науку и технологию в целом [Новый могучий прыжок в космос 1959].

Рис. 2.

Другие иллюстрации подчеркивают значение советской экономики как базиса достижений в космосе. Коллаж, украшавший статью о вкладе молодежи в космические успехи (рис. 3), изображал молодых рабочих и советские индустриальные объекты внизу, в то время как кремлевская башня служила связующим звеном между этим нижним уровнем и космической ракетой, летящей, как можно было подумать, к светлому коммунистическому будущему. Эта картинка опять-таки демонстрировала мощные связи между будущим, которое символизировала летящая к звездам ракета, и настоящим, когда молодое поколение должно было ежедневно трудиться для того, чтобы создать экономические основы для великих подвигов, ожидавших его впереди, т.е. для построения коммунистического общества [Страна моя 1960].

Катарина Уль. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «коттепели»

Рис. 3.

Дискурс о космосе не ограничивался, однако, будущим. Помимо этого он определял роль нынешнего поколения по отношению к прошлому. В рамках этого дискурса настоящее формировалось достижениями героического прошлого, лучшие качества протагонистов которого перенимает нынешнее поколение для того, чтобы успешно строить коммунистическое будущее. Иллюстрация из «Комсомольской правды» (рис. 4) изображает Ленина на фоне звездного неба и ракеты, которая несет ввысь флаг с советской символикой и год — 1959. Ленин твердо стоит над двумя знаменами, на которых написаны революционные лозунги и проставлен год — 1917. Под звездным небом плывет крейсер «Аврора». Смысл картинки однозначен: коммунистическое будущее, которое снова символизирует советская космическая ракета, восходит к достижениям прошлого, главным образом Октябрьской революции. Ленин связывает прошлое

и будущее и показывает нынешнему поколению верный путь к светлому будущему. Следуя ленинскому примеру, молодые читатели со всей очевидностью построят коммунизм и будут в нем жить. А поскольку завоевание космоса больше не является мечтой или фантазией, коммунизм кажется достижимым и близким [Плакат М. Кузнецова 1959].

Рис. 4.

Пропаганда напоминала о преемственности между революционным прошлым и настоящим днем с его победами на космическом фронте; как сформулировала это газетная статья 1962 г. — «От «Авроры» — до «Востока»». Эти не знавшие перерывов героизм и устремленность к социальным переменам, которые подавались как доминирующие черты советского народа со времен революции, также упоминались в некоторых статьях о космических полетах. Одна из статей сравнивает два события и определяет их как прелюдии к новой общественной эпохе. Революция принесла бесклассовое общество социализма, тогда как результатом космических успехов неизбежно станет коммунистическое общество. «Взлет Юрия Гагарина к звездам, подобно выстрелу, прозвучавшему мирным апрельским утром, был оглушительным эхом исторического залпа «Авроры», возвестившего октябрьской ночью 1917 г. начало

новой социальной эры — эры бесклассового общества. <...> И если нашему народу удалось пройти этот путь в столь стремительные сроки, это объясняется прежде всего самими особенностями социалистической системы, ее важнейшими коренными преимуществами» [Октябрьская Революция 1961].

Постоянно апеллируя к героическим успехам советского прошлого, пропаганда подчеркивала, что эра коммунизма наступит благодаря молодому поколению. После запуска первой советской ракеты на Луну в январе 1959 г. статья в «Комсомолке» указывала на решающую роль, которую играли ее молодые читатели в героическом прошлом и которую они все еще играют в процессе строительства коммунистического будущего: «Много славных и героических страниц впишете вы в историю человечества. Но навсегда в памяти людей останется этот январский день — день великого подвига нашего народа, шагнувшего в будущее» [Полет в будущее 1959]. Когда Хрущев встречался с космонавтами В. Быковским и В. Терешковой после их успешного космического полета в 1963 г., он обратился к ним как к представителям нынешнего молодого поколения и поставил их на одну доску с предшествующими поколениями, чьи героические деяния они должны продолжить и завершить: «Этому поколению отцы вручают эстафету революционных дел, борьбы за завоевание советской власти, за победу социализма» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. Л. 64].

«Оттепельный» дискурс подавал космос как символ коммунистического будущего, которое должно быть завоевано молодым поколением. Завоеывая доселе недоступное космическое пространство, молодые космонавты отчетливо демонстрировали, что для советского народа с его отличной техникой нет препятствий и что строительство коммунизма есть лишь следующий шаг в ряду невысказанных до настоящего времени подвигов. Граница между вымыслом и реальностью теряла очертания, а мечта о бесклассовом и справедливом обществе представала тем, что воочию увидит молодое поколение.

В этом отношении для некоторых групп молодежи могла играть свою роль фантастическая литература, которую можно рассматривать как «медиатор образов коммунизма», поскольку она отчетливо указывала на возможность завоевания космоса и в то же самое время построения коммунизма [Фокин 2007: 10]. В дискурсивном ландшафте «оттепели» космос играл роль сцены, на которой представители поколения «строителей коммунизма» могли проявить свой героизм, предвосхищая тем самым неизбежную победу коммунизма на земле вообще и в Советском Союзе в частности.

Космонавты представляли обычными советскими молодыми людьми, которые приобрели моральные качества «нового человека». Среднего советского молодого человека призывали следовать их примеру, проявлять качества, прописанные в моральном кодексе, и подчиняться руководству партии и символическому «отцу» и вождю Н.С. Хрущеву. Именно эти черты характера молодые читатели «Комсомолки» и слушатели комсомольских речей должны были воспитать в себе для того, чтобы быть готовыми к созданию материально-технической базы коммунизма и коммунистического общества. В качестве основных мишеней героического дискурса о космосе они становились объектами жесткой моральной инженерии, дававшей детальные предписания относительно того, какие нравственные качества необходимы молодым людям, чтобы строить коммунизм.

Заключение

Молодое поколение «оттепели» без конца сталкивалось с идеологически чрезвычайно нагруженным экспонированием героического прошлого и напоминающим о рае представлением о близком будущем. Советская пропаганда, нацеленная на молодежь, давала огромное количество указаний и моделей, в соответствии с которыми молодые люди должны были организовывать свое поведение. Прошлое и будущее выдвигались на роль основных точек отсчета для молодого поколения при определении его роли в советской истории. Место, предписанное ему в советском настоящем, было тесно связано с героизмом предков, который следовало копировать, а также с перспективой светлого коммунистического будущего, которое будет достигнуто, когда будут приобретены необходимые для этого моральные качества. Усилия советских пропагандистских каналов в области моральной инженерии, постоянно отсылавших к прошлому и будущему, были колоссальными; их результатом стал четко определенный набор дискурсов о молодом поколении и его поведении.

Интенсивность морального контроля через официальный дискурс нарастала в эпоху «оттепели» по сравнению с предшествующими сталинскими годами, когда социальная инженерия превалировала по сравнению с контролем над нравственным сознанием молодого поколения. Конечно, можно увидеть в данном случае и непрерывность морального дискурса от раннесоветских лет до «оттепели», с нравственными категориями в качестве средства интеграции в советскую систему. Здесь отчетливо видны постоянные усилия государства непосредственно контролировать жизнь и душу молодого поколения через пропаганду и моральный дискурс.

Анализируя сам дискурс, вскоре понимаешь, что официальная пропаганда в целом не была монолитным и стабильным конструктом, но должна была реагировать на внешние влияния, которые угрожали интеграции молодого поколения в советский государственный проект построения коммунизма. Официальный дискурс «оттепели» колебался между борьбой с этими явлениями, рассматривавшимися в качестве враждебных коммунистическому образу жизни, и интеграцией их.

Анализ «Комсомольской правды» и комсомольских документов иллюстрирует гибкий характер дискурса о молодежи, который, несмотря на все колебания и панические реакции, демонстрирует то же строго определенное представление о роли, которая предписывалась молодому поколению. Молодежь должна была сбересть достижения предшественников, поэтому она приобретала столь же консервативную роль, что и послевоенное поколение; в то же время дискурс подвергся темпоральному расширению за счет будущего и включал перспективу личного участия в реализации проекта, который до того времени считался невозможным. Эта новая роль, несомненно, оказывалась более привлекательной, чем место молодежи в позднесталинскую эпоху, и обещала больше приключений и многообразия. Кроме того, подача официального дискурса в СМИ претерпела важные изменения в эпоху «оттепели»: прежде всего «Комсомольская правда» адаптировала дизайн и содержание к пожеланиям своих читателей и превратилась в современный и умный печатный орган, который должен был привлекать огромную аудиторию. Поэтому может показаться, что были созданы отличные условия для широкой интеграции молодого поколения в советское государство и его проекты.

Интересным в этом смысле оказывается вопрос о том, произошла ли эта позитивная интеграция и до какой степени молодое поколение «оттепели» было интегрировано в элиту государства и партии. Интересно также задать вопрос о результатах опыта взросления во время «оттепели», а также принадлежности к возрастной группе людей, которые подавались в качестве первых обитателей совершенно нового, похожего на рай общества. Эти вопросы нацелены не столько на идентификацию общего восприятия дискурса, но скорее на специфически поколенческий опыт так называемых «шестидесятников».

Представители этого поколения, взрослевшие в критической атмосфере 1950-х и 1960-х гг. и подвергавшиеся воздействию описанных выше пропагандистских усилий «оттепельной» эпохи, стали крупными реформаторами советской системы, творцами перестройки. Например, Михаил Горбачев вырабатывал свое либеральное мировоззрение в это время, узнавая

о преступлениях Сталина и обсуждая «за» и «против» советской системы в таком критическом ключе, какой был невозможен ни до, ни после хрущевской «оттепели» [Brown 1996: 36–43]. Для Бориса Ельцина использование дискурсивных моделей «оттепели» было почти естественным, он рассказывал о своих занятиях спортом во время учебы и даже о путешествии по Советскому Союзу именно в тональности «оттепельного» дискурса о героизме прошлого [Ельцин 1990: 17–30].

Индивидуальный опыт человека может быть специфическим, но поколение в целом разделяет общий опыт, поскольку его представители взрослеют в одном и том же дискурсивном пространстве, им предлагаются сходные модели интерпретации реальности. Вне всякого сомнения, результаты этой интерпретации чрезвычайно отличаются в зависимости от той или иной группы или конкретного человека, и было бы затруднительно — и бесполезно — выделять какую-то единую версию мироздания. Тем не менее доминирующим типом восприятия «оттепельного» поколения является взгляд на данный период как на решающее время, когда будущие творцы перестройки вырабатывали свое либеральное мирозрение.

Как пишут Петр Вайль и Александр Генис в своей книге о 1960-х гг., атмосфера этого времени оказала колоссальное воздействие на молодых людей, заставляя их думать критически и тем самым готовя почву для реформ. Они приписывают наиболее значимую мотивирующую силу представлению о коммунистическом будущем и рассматривают новую партийную программу как то, что объединяет «оттепельное» поколение в целом [Вайль, Генис 2001].

Существовали, однако, и другие группы молодых людей, у которых был сходный опыт и при этом иные интерпретации. На мои вопросы, касавшиеся его комсомольского опыта, рабочий, выросший в эпоху «оттепели» в Казани, ответил, что он принадлежал к оппозиционному лагерю — он имел в виду, что участвовал в хулиганских действиях, а не в комсомольских собраниях. Этот пример отчетливо показывает, что, хотя молодые люди по-разному позиционировали себя относительно официального дискурса о молодежи во время «оттепельного» периода, описанная выше содержательная часть официальной пропаганды играла важную роль для каждого, кто был молодым в ту эпоху.

Список сокращений

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Архивные источники

- РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 347. ЦК ВЛКСМ. Стенограмма V пленума. 1956 г.
- РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 356. ЦК ВЛКСМ. Протокол и стенограмма VII пленума. 1959 г.
- РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 376. ЦК ВЛКСМ. Протокол и стенограмма IV пленума. 1959 г.
- РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 400. ЦК ВЛКСМ. Стенограмма VIII пленума. 1960 г.
- РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 439. ЦК ВЛКСМ. Протокол III пленума. 1963 г.
- РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 442. ЦК ВЛКСМ. Стенограмма III пленума. 1963 г.
- РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 460. ЦК ВЛКСМ. Протокол VII пленума. 1965 г.

Газетные статьи

- Бригада идет к коммунизму // Комсомольская правда. 1961, 18 авг.
- Будем жить еще лучше и краше! // Комсомольская правда. 1960, 6 мая.
- Будущее — рядом // Комсомольская правда. 1963, 5 дек.
- В труде мужает, закаляется человек // Комсомольская правда. 1958, 26 февр.
- В труде растет человек // Комсомольская правда. 1958, 22 мая.
- Воевать с пережитками — каждому и всем // Комсомольская правда. 1960, 2 апр.
- «Вот это человек!» // Комсомольская правда. 1960, 12 марта.
- Вырвать корни тунеядства! // Комсомольская правда. 1963, 17 июля.
- Дело Оберлэндера. Кинжал и Эдельвейс // Комсомольская правда. 1960, 6 апр.
- Держа и вздымая друг друга // Комсомольская правда. 1961, 13 окт.
- Дорога к звездам. Репортаж из дома первого космонавта // Комсомольская правда. 1961, 13 апр.
- Дружба честная, верная, чистая // Комсомольская правда. 1958, 29 мая.
- За монастырской стеной // Комсомольская правда. 1958, 13 дек.
- Здравствуй, завтра! // Комсомольская правда. 1959, 18 окт.
- Земное счастье // Комсомольская правда. 1963, 5 нояб.
- «Искренность» // Комсомольская правда. 1963, 11 сент.
- К новым стартам! // Комсомольская правда. 1964, 12 апр.

- Как я стал атеистом. Рассказ бывшего кандидата богословия // Комсомольская правда. 1957, 24 марта.
- Коммунизм — дело наших рук, энергии и разума // Комсомольская правда. 1961, 21 нояб.
- Корчагин из Дивногорска // Комсомольская правда. 1963, 24 сент.
- Корчагинцы // Комсомольская правда. 1959, 17 янв.
- Космос крупным планом // Комсомольская правда. 1961, 3 окт.
- Личное дело? Нет, общественное // Комсомольская правда. 1959, 22 янв.
- Мы к коммунизму держим путь // Комсомольская правда. 1961, 14 янв.
- Мы к коммунизму держим путь // Комсомольская правда. 1961, 3 авг.
- Нам жить в коммунизме. Обсуждаем проект программы КПСС // Комсомольская правда. 1961, 21 сент.
- Наше завтра // Комсомольская правда. 1956, 8 февр.
- Наши героические будни // Комсомольская правда. 1961, 11 нояб.
- Непреклонный // Комсомольская правда. 1962, 9 сент.
- Николай Островский. Как закалялась сталь // Комсомольская правда. 1964, 9 авг.
- Новый могучий прыжок в космос // Комсомольская правда. 1959, 6 окт.
- Октябрьская Революция // Комсомольская правда. 1961, 21 апр.
- Они — герои нашего времени // Комсомольская правда. 1960, 7 авг.
- От «Авроры» — до «Востока» // Комсомольская правда. 1962, 10 нояб.
- Перед новыми стартами // Комсомольская правда. 1961, 4 окт.
- Плакат М. Кузнецова // Комсомольская правда. 1959, 6 нояб.
- Поколение Павла Корчагина // Комсомольская правда. 1957, 16 февр.
- Полет в будущее // Комсомольская правда. 1959, 4 янв.
- Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма // Комсомольская правда. 1956, 29 марта.
- Привычный темп: за 40 лет — социализм, за 4 года — космос // Комсомольская правда. 1961, 21 апр.
- Программа твоей жизни // Комсомольская правда. 1961, 25 нояб.
- Работать должны все // Комсомольская правда. 1957, 10 мая.
- С космическим ускорением // Комсомольская правда. 1961, 5 авг.
- Самый трудный героизм // Комсомольская правда. 1959, 28 марта.
- Свое и чужое // Комсомольская правда. 1957, 16 марта.
- Страна моя в 1960-м // Комсомольская правда. 1960, 30 дек.
- Страницы ее жития // Комсомольская правда. 1959, 26 мая.
- Счастливого приземления // Комсомольская правда. 1964, 13 окт.
- Так мир узнал о Зое // Комсомольская правда. 1961, 29 нояб.
- Таким был Ленин // Комсомольская правда. 1957, 19 апр.
- Товарищество надо ценить // Комсомольская правда. 1958, 2 авг.

- Традициям — дорогу, пережитками — бой! // Комсомольская правда. 1960, 25 нояб.
- Тунеядец. По следам одного письма // Комсомольская правда. 1956, 2 сент.
- Университет мужества // Комсомольская правда. 1962, 16 апр.
- Хулиганов — вон! // Комсомольская правда. 1961, 28 июня.
- Человек в космосе! // Комсомольская правда. 1961, 13 апр.
- Человек во всем // Комсомольская правда. 1960, 28 февр.
- Честное Комсомольское // Комсомольская правда. 1958, 12 янв.
- Честность не в чести // Комсомольская правда. 1963, 14 нояб.

Библиография

- Аджубей А.И.* Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989.
- Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Моральный кодекс строителя коммунизма: Пособие для пропагандистов и слушателей системы политического просвещения. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1964.
- Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М.: Человек, 1990.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1967.
- Товарищ Комсомол. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ, 1918–1968. М.: Молодая гвардия, 1969.
- Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. М.: Молодая гвардия, 1960.
- Фокин А.А.* Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века: Дис. ... к.и.н. Челябинск, 2007.
- Хрущев Н.С.* О программе Коммунистической партии Советского Союза: Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза, 18 октября 1961 года. М.: Политиздат, 1961.
- Abrams P.* Rites de Passage: The Conflict of Generations in Industrial Society // Journal of Contemporary History. 1970. Vol. 5. No. 1. P. 175–190.
- Austin J., Willard M.N.* Introduction: Angels of History, Demons of Culture. Generations of Youth // J. Austin, M.N. Willard (eds.). Youth Cultures and History in Twentieth-Century America. N.Y.: New York University Press, 1998. P. 1–20.
- Bershtein E.* “The Withering of Private Life”: Walter Benjamin in Moscow // C. Kiaer (ed.). Everyday Life in Early Soviet Russia. Taking the Revolution Inside. Bloomington: Indiana University Press, 2006. P. 217–229.
- Beyrau D.* Das sowjetische Modell: Über Fiktionen zu den Realitäten // P. Hübner (ed.). Arbeiter im Staatssozialismus: Ideologischer Anspruch und soziale Wirklichkeit. Köln: Böhlau, 2005. P. 47–70.

- Bridger S.* The Cold War and the Cosmos: Valentina Tereshkova and the First Women's Space Flight // M. Ilic (ed.). Women in the Khrushchev Era. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 222–237.
- Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Clark K.* The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- DeGeorge R. T.* The New Marxism: Soviet and East European Marxism since 1956. N.Y.: Pegasus, 1968.
- Edele M.* Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. Vol. 50. No. 1. P. 37–61.
- Field D.A.* Irreconcilable Differences: Divorce and Conceptions of Private Life in the Khrushchev Era // Russian Review. 1998. Vol. 57. P. 599–613.
- Field D.A.* Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia. N.Y.: Lang, 2007.
- Fitzpatrick S.* Social Parasites: How Tramps, Idle Youth, and Busy Entrepreneurs impeded the Soviet March to Communism // Cahiers du Monde Russe. 2006. Vol. 47. No. 1–2. P. 377–408.
- Fürst J.* Heroes, Lovers, Victims: Partisan Girls during the Great Fatherland War // Minerva: Quarterly Report on Women and the Military. 2000. Vol. 18. No. 3. P. 38–75.
- Fürst J.* The Arrival of Spring? Changes and Continuities in Soviet Youth Culture and Policy between Stalin and Khrushchev // P. Jones (ed.). The Dilemmas of De-Stalinization. Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era. L.: Routledge, 2006a. P. 135–153.
- Fürst J.* The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism // B. Studer, H. Haumann (eds.). Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929–1953. Zürich: Chronos, 2006. P. 359–375.
- Fürst J.* Stalin's Last Generation. Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Gestwa K.* "Kolumbus des Kosmos": Der Kult um Jurij Gagarin // Osteuropa. 2009. Vol. 59. No. 10. P. 121–151.
- Gestwa K.* Die Stalinschen Großbauten des Kommunismus Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948–1967. München: Oldenburg, 2010.
- Gilison J.M.* The Soviet Image of Utopia. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1975.
- Günther H.* Der sozialistische Übermensch: M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart: Metzler, 1993.
- Halfin I.* From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.
- Halfin I.* Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

- Jureit U.* Generation, Generationality, Generationenforschung, Version: 1.0 // Docupedia-Zeitgeschichte. 11. 2.2010. <<http://docupedia.de/docupedia/index.php?title=Generation&oldid=68689>>.
- Kaganovsky L.* How the Soviet Man Was (Un)Made // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. P. 577–596.
- Kharkhordin O.* The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Kowalski G.* Der “Rote Kolumbus”: Jurij Gagarin, der sowjetische Kosmosheld // S. Satjukow, R. Gries (eds.). *Sozialistische Helden: Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR*. Berlin: Links, 2002. P. 71–83.
- Kraft A., Weisshaupt M.* Erfahrung — Erzählung — Identität und die “Grenzen des Verstehens”: Überlegungen zum Generationenbegriff // A. Kraft, M. Weisshaupt (eds.). *Generationen: Erfahrung — Erzählung — Identität*. Konstanz: UVK, 2009. P. 17–47.
- Kucher K.* Der Gorki-Park: Freizeitkultur im Stalinismus, 1928–1941. Köln: Böhlau, 2007.
- Kuhr-Korloev C.* Gezähmte Helden. Die Formierung der Sowjetjugend, 1917–1932. Essen: Klartext Verlag, 2005.
- Landwehr A.* Geschichte des Sagbaren: Einführung in die historische Diskursanalyse. Tübingen: Ed. diskord, 2001.
- Lapierre B.* Making Hooliganism on a Mass Scale: The Campaign against Petty Hooliganism in the Soviet Union, 1956–1964 // *Cahiers du Monde Russe*. 2006. Vol. 47. No. 1–2. P. 349–375.
- Lovell S.* The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2000.
- Lovell S.* Introduction // S. Lovell (ed.). *Generations in Twentieth-Century Europe*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007. P. 1–18.
- Pilkington H.* “The Future Is Ours”: Youth Culture in Russia, 1953 to the Present // C. Kelly, D. Shepherd (eds.). *Russian Cultural Studies. An Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 368–384.
- Plaggenborg S.* Revolutionskultur: Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln: Böhlau, 1996.
- Pohl M.* Women and Girls in the Virgin Land // M. Ilıc, S.E. Reid and L. Attwood (eds.). *Women in the Khrushchev Era*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 52–74.
- Pohl M.* The “Planet of One Hundred Languages”: Ethnic Relations and Soviet Identity in the Virgin Lands // N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland (eds.). *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. L.; N.Y.: Routledge, 2007. P. 238–261.
- Sarazin P.* *Geschichtswissenschaft und Diskursanalyse*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003.
- Sartori R.* On the Making of Heroes, Heroines, and Saints // R. Stites (ed.). *Culture and Entertainment in Wartime Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 176–193.

- Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Thatcher I.D.* Khrushchev as a Leader // J. Smith, M. Ilic (eds.). Khrushchev in the Kremlin. Policy and Government in the Soviet Union, 1953–1964. L.; N.Y.: Routledge, 2011. P. 9–25.
- Woll J.* Real Images: Soviet Cinema and the Thaw. L.: Tauris, 2000.
- Yurchak A.* Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006.
- Zubkova E.I.* Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957. Armonk: M.E. Sharpe, 1998.
- Zubok V.* Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2009.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума